

[Открыть письмо в браузере](#)**17 января 2022 года**

МОСКВА. 17 ЯНВАРЯ 2022. ПИР-ПРЕСС. "И, кстати говоря, пандемия коронавируса, которая принесла нам очень большие бедствия – экономические, социальные, и человеческие потери – может являться демонстрацией в малых масштабах того, что может быть, если не дай Бог случится ядерная катастрофа. Вот то, что мы сейчас видим вокруг себя в связи с пандемией – это крошечный мультипликационный кадр того, что можно себе представить, в случае, не дай Бог, если не удастся избежать самого страшного! И если бы это случилось, то все бедствия пандемии всем тем, кто выжил, вспоминались бы как какая-то детская шалость", – руководитель Центра международной безопасности ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова Алексей Арбатов.

«Без галстука» №40 с Алексеем Арбатовым

ОТ РЕДАКЦИИ: *Сегодня день рождения празднует давний друг ПИР-Центра, д.и.н., академик РАН, руководитель Центра международной безопасности ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова, член Экспертного совета ПИР-Центра с 2004 года Алексей Георгиевич Арбатов. Он также является членом научного совета при министре иностранных дел РФ и руководителем секции по проблемам стратегического планирования научного совета при Совете Безопасности РФ. Автор нескольких монографий и соавтор более 30 коллективных трудов, многочисленных*

аналитических работ, статей и брошюр по проблемам международной безопасности, разоружения, военной политики, изданных в России и за рубежом. В сегодняшнем номере «Без галстука» Алексей Георгиевич рассказал про своё детство и отношения с отцом, почему решил заняться ядерной проблематикой и как он мог бы стать врачом, какие интересы ему удалось реализовать в жизни, а какие нет, чем он любит заниматься в свободное время, а также какими качествами должен обладать настоящий международник.

Как начинался мой путь

Я очень неплохо рисовал и специально занимался рисованием. Мои родители это очень поддерживали и одобряли. У нас среди родственников есть люди искусства, связанные с архитектурой, с живописью, со скульптурой. Потом одно время я также серьезно увлекся медициной – опять-таки, в нашей большой семье были очень хорошие врачи, хирурги в том числе. Если бы я не стал специалистом в области глобальной безопасности, то стал бы врачом. И надеюсь, стал бы хорошим хирургом, может быть даже детским хирургом, и считал бы, что я ничего не потерял оттого, что не занимался бы тем, чем занимаюсь сейчас. Но в конечном итоге я выбрал вот эту стезю, потому что уже в старших классах школы я всерьёз увлёкся международными отношениями – в 9-10-ом классе делал доклады на специальных занятиях. Потом закончил школу с медалью, и поэтому мне было проще поступать в институт. И поступил в МГИМО – это и определило мою дальнейшую профессию.

Идеальные условия для работы в семье

Я поступил в аспирантуру и раньше закончил, чем в положенные три года. В Институте мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН – мой родной институт – я проработал всю жизнь и продолжаю в нём сейчас работать, только перерыв был десять лет, когда я был депутатом Государственной думы с 1994 по 2003 г.

Вся семья – она способствовала мне. Я даже женился незадолго до защиты кандидатской диссертации. И жена, с которой мы живём счастливо вот уже почти 45 лет, помогала мне, и все помогали, создавая мне прекрасные условия для того, чтобы я защитился. А потом уже когда докторская диссертация – там уже ребёнок родился – всё равно условия

для меня были созданы самые благоприятные. Поэтому это не только моя заслуга, но и в очень большей мере это заслуга моей семьи – непосредственно жены, дочери и родителей (моих родителей и жены) – всех тех, кто понимал, что это важно, и поэтому помогал.

Родительский авторитет

Личный момент, и это очевидно – я жил, вырослел и работал под сенью своего отца, который был крупным учёным, политическим и государственным деятелем. У меня всё время было стремление доказать, что я сам чего-то стою. Конечно, закончить школу с медалью мне бы родители не помогли – это зависело полностью от меня. Насчёт поступления в институт – тем более такой привилегированный и элитарный институт, как МГИМО – тут могут быть разные мнения. Могли бы сказать: «Ну конечно, как и многие другие, он поступил в МГИМО благодаря своему отцу, связям и так далее». Отец сам закончил МГИМО в один из первых его послевоенных выпусков, когда вернулся с фронта. Но вот защитить кандидатскую диссертацию за два с лишним года вместо трёх, а потом докторскую сделать ещё через несколько лет – уж извините, тут никто не может сказать, что тебе родители помогли написать – просто это глупость, которую даже самые мои большие недоброжелатели не стали бы озвучивать.

Однако, этот мотив – доказывать, что я сам чего-то стою, что я сам из себя что-то представляю – и в профессиональном, и в политическом, и в человеческом плане – всегда присутствовал в моей жизни вплоть до того момента, когда уже отец отошел от дел и был пожилым и больным человеком. Так что, это, наверное, тоже поспособствовало профессиональному рывку и последующей моей работе, хотя и не было абсолютной первопричиной.

Мой собственный выбор

Мой отец был специалистом по международным отношениям, хорошо знал два языка – английский и немецкий. Он занимался международными отношениями в широком смысле слова – и в науке, и в политической своей деятельности. Работал в ЦК КПСС какое-то время – был советником наших крупных партийных и государственных деятелей. Его главные деятельности – и международная, и политическая, и

научная – вскоре стали и моей деятельностью. Но он был гораздо шире по охвату своих знаний, эрудиции, влияния, чем я. Я же гораздо более узкий специалист. Но вот эта узкая специальность, которая связана с ядерным оружием, ядерным сдерживанием, гонкой вооружений, переговорами и договорами об ограничении вооружений – прежде всего ядерных – это было моим собственным выбором.

Споры с отцом

Он мне говорил: «Зачем ты в эту сферу так вот глубоко лезешь? Зачем тебе эти технические детали? Зачем ты увлекаешься всеми этими ракетами, боеголовками, стратегическими концепциями? Тебе нужно знать шире! Ты недостаточно знаешь широкую международную панораму». И вообще он какое-то время уговаривал меня на некоторый период пойти в журналистику. Он говорил: «Нужно научиться хорошо писать. Это тоже очень важно». Я с этим не соглашался, всегда возражал ему. Говорил, что научиться писать – так, чтобы тебя нормально понимали – можно и факультативно. А вот знать предмет факультативно нельзя – ты или профессионально этим занимаешься, или ничего не знаешь. Что тогда доносить до широкого читателя?

Почему ядерная безопасность?

Во-первых, я этой темой всегда очень интересовался. Она не просто захватывающая и интересная сама по себе. Моё серьезное изучение этой темы началось с прочтения книги Генри Киссинджера «Ядерное оружие и внешняя политика» на первом курсе обучения в МГИМО. Это меня так увлекло, что потом всю жизнь я уже более-менее целенаправленно этим занимался.

Самая важная тема

Даже в условиях страшной пандемии коронавируса, которая на нас обрушилась как снег на голову, всё равно самой важной темой остаётся предотвращение применения ядерного оружия. Человечество встречается с многими проблемами, и некоторые из них непосредственно сказываются на жизни каждого человека в обыденной ситуации – это и пандемия, и климат, и окружающая среда, которая

безбожно загрязняется – это всё очень важные темы. Но ни одна из них не может покончить с современной цивилизацией так быстро, непредсказуемо и необратимо, как ядерная война. И хотя в жизни обычного человека эта тема повседневно не присутствует, но подспудно она довлеет над ним. Она существует, даже если он этого не осознает. Вот как угроза землетрясения – она существует, хотя люди в обычной жизни этого не осознают, а когда гром грянет, всем станет ясно, что самое важное вообще на свете и в жизни.

Вот также и эта тема ядерной безопасности. Я считаю, что она остаётся самой важной. И, кстати говоря, пандемия коронавируса, которая принесла нам очень большие бедствия – экономические, социальные, и человеческие потери – она может являться демонстрацией в малых масштабах того, что может быть, если не дай Бог случится ядерная катастрофа. Вот то, что мы сейчас видим вокруг себя в связи с пандемией – это крошечный мультипликационный кадр того, что можно себе представить, в случае, не дай Бог, если не удастся избежать самого страшного! И если бы это случилось, то все бедствия пандемии всем тем, кто выжил, вспоминались бы как какая-то детская шалость.

Дорогу молодым

Я всегда уделял внимание молодому поколению учёных. И особенно сейчас - когда уже я сам, к сожалению, не могу быть молодым человеком или хотя бы учёным среднего возраста – я с удвоенной энергией занимаюсь подготовкой и помогаю молодым ученым быстро расти в моей сфере и в смежных сферах, пытаюсь их увлечь, всем чем могу, им помогаю.

Нереализованные интересы

Поскольку я так был заострён на одну область деятельности – и в научном, и в практическом плане – у меня, к сожалению, не хватило времени на много того, чему я хотел бы научиться.

Помимо английского (которым владею в совершенстве), я бы очень хотел знать немецкий, итальянский и японский языки. К сожалению, наверное, моей жизни уже не хватит, чтобы удовлетворить вот эти желания и потребности.

Я очень хотел бы вернуть себе былое – пусть не очень продвинутое –

мастерство в тех видах деятельности, которыми занимался в молодости. Я уже сказал, что с удовольствием занимался живописью и ходил в студию несколько лет. Потом, из-за занятости всё это отошло на задний план. Я всё тешил себя надеждой, что искусство, живопись, рисование – это вроде как велосипед – один раз научился, и можно через много десятилетий к этому вернуться, сесть и после нескольких минут тренировки поехать. Так же, как и плавать – вот научился раз, потом в воду вошёл через много лет и поплыл. И я даже несколько лет назад попробовал, но оказалось, что с живописью это не так. На велосипеде-то я поехал через много лет – в прошлом году. Плаваю я нормально – даже неплохо. А попробовал я рисовать, и вот ничего не получилось. Я всё забыл – всё! Что-то набросать такое карандашом могу, но писать по-настоящему – что акварелью, что маслом – нет. Вот это мастерство, даже технические его моменты – как обрабатывать фон, цвет – всё это пропало. Мне жалко и обидно, что так получилось.

Кстати говоря, я очень неплохо лепил из пластилина – и этот навык сохранился. Мы с внуком сейчас лепим из пластилина. Я ему делаю всяких зверей человечков, и это никуда не ушло. Наверное, потому, что это гораздо проще.

Об активных видах деятельности

Сейчас, в силу возраста, я активно не занимаюсь, кроме того, что утром делаю зарядку – около часа в день – уделяю этому большое внимание. Но я многими интересными видами спорта в своей жизни занимался, и занимался очень даже хорошо, как мне кажется. Я не стал спортсменом, и у меня нет особых разрядов. Но я достиг некоего определённого высокого любительского мастерства, и всегда получал от этого большое удовольствие.

Например, я длительное время занимался по-настоящему дайвингом – нырял во всех океанах, кроме Северного-Ледовитого, и в очень многих морях. Я опускался на большие глубины. Мой личный рекорд – 62 метра. И получал от этого огромное удовольствие. У меня была завалена часть квартиры соответствующим снаряжением. Я очень любил горные лыжи. И по-любительски неплохо катался, причём, в больших горах – в Альпах например – и достаточно регулярно. Я длительное время занимался боевыми искусствами. В частности – окинавским карате. Дошёл до черного пояса.

Я очень любил скалолазание – но не такое, где надо было вбивать крюки и ползти – это для меня было слишком экстремально, а

скалолазанием по проложенным трассам – где тросы просто вбиты в скалу, и вы идёте по узеньким уступам, а иногда даже вообще просто карабкаетесь, будучи привязаны шпингалетом к этим тросам, не рискуя сорваться и разбиться. Сам спорт, во-первых, физически очень прекрасно даёт тренировку и нагрузку. Во-вторых – это эмоционально, когда ты по этой скале поднимаешься и под тобой почти вертикально 300 метра. Это незабываемые ощущения, и, к тому же, это ощущения не такие, от которых душа в пятки уходит, а ощущения восторженные, потому что ты знаешь, что более-менее в безопасности – ты надёжно шпингалетами прицеплен к этим тросам.

Ну и конечно, занимался такими такими элементарными видами спорта, как плавание и собирание грибов. Некоторое время я даже охотой занимался, но это не пошло – мне было жалко зверей. Я один раз убил кабана и так потом расстроился, что достаточно быстро это заглохло. Хотя эстетически это очень увлекательный спорт – природа и всё такое. Я охотился и в европейской части России, и на Камчатке, но это у меня в конечном итоге не пошло. Также, как и рыбалка – но не потому, что мне было жалко рыбу, а потому что я оказался неспособен к этому виду спорта.

Время отдыха и отдушины

Я очень люблю прогулки. В пандемию, когда нельзя было никуда ездить, мы с женой очень много гуляли по центральным историческим районам Москвы. И очень много нового для себя открыли даже в тех районах, где мы прожили фактически всю жизнь. И всё равно, в этих районах для нас есть что-то новое. Например, внутри Садового кольца, масса, как оказалось, интересных есть мест, исторических в том числе.

Не скрою – я практически каждый день смотрю телевизор. Но не вот эти наши новостные программы по центральным каналам – их я как раз не смотрю – а хорошие художественные фильмы, сериалы и детективы, и мне не стыдно в этом признаться. Может быть, кому-то, кто не вовлечён в политику и такие острые профессиональные и научные вопросы, которыми я занимаюсь, ему не хватает адреналина – мне его более чем достаточно в обычной жизни. И поэтому я люблю, к примеру, мелодрамы вечером смотреть – это успокаивает, помогает отвлечься. Это для меня отдых и отдушина.

Книги, конечно, я читаю каждый день. Я покупаю книги сейчас –

особенно люблю исторические романы, если они на хорошем уровне – и наши, и переводные. Хотя читаю очень много романов и на английском языке. У меня целые библиотеки стоят – не про ракеты, не про договоры – а романы исторические, серьезные шпионские детективы, приключенческие книги хороших авторов, в том числе зарубежных. Из наших авторов очень люблю Бориса Акунина – всё, что он писал, у меня есть, и я это неоднократно перечитывал.

Музыку я также люблю. Хотя не могу сказать, что часто уделяю этому время – тут у меня моя супруга гораздо более продвинутый человек, чем я.

Самый главный отдых

Но самый главный мой отдых от работы – общение с моим внуком, которое даёт мне массу полезных и замечательных эмоций – это очень интересно. С мальчиком шести лет необыкновенно интересно общаться, и отвечать на его вопросы, и самому их задавать, смотреть как он реагирует, и рассказывать про всё – начиная от космоса и заканчивая динозаврами. Это, можно сказать, главное, что есть в части моего не рабочего времени.

С дочерью у меня очень близкие отношения. Мы с ней обсуждаем всё, и может даже обсуждаем такие вещи, которые она ни с кем больше не обсуждает – которые связаны с нравственностью, с отношениями в личной жизни. И о политике мы немало с ней говорим, хотя она далека от моей сферы – она продюсер документальных фильмов – но она всем очень живо интересуется, за всем следит и во всех вопросах имеет своё мнение, с ней очень интересно общаться.

Ну а что касается жены – она вообще у меня практически коллега. Она также, как и я, работает в ИМЭМО – в этом институте 45 лет назад мы с ней и познакомились. А потом решили пожениться. Она крупный ученый, политолог, доктор наук, занимается отношениями России и Европы. Так что с ней у нас масса общих профессиональных тем и интересов, поэтому в пандемию у нас было гораздо больше времени, чтобы общаться и обсуждать вопросы, которые интересуют нас обоих.

О работе в стройотряде

Это было после первого курса института – в 1969 г. Во-первых, это в значительной степени сформировало круг моих друзей. С того времени прошло уже более полувека, и со многими из них мы дружим и сейчас. Мы были в Туве – в строительном отряде, летом. Тяжелая была жизнь, тяжелая была работа – действительно строительная работа. Жили мы в палатках, в степи, далеко от ближайшего населённого пункта – приходилось 5–6 километров ходить до тех объектов, на которых мы целыми днями работали. И это повлияло на мою жизнь. Я в армии не служил, но стройотряд в некотором смысле повлиял на моё мировоззрение и на то, как я общался с людьми. Это было интересно, увлекательно, и в этом были какие-то элементы романтики – особенно когда потом об этом вспоминаешь, на ум приходят какие-то романтические воспоминания. А когда там живешь и работаешь – там особой романтики не чувствовалось.

Работа в стройотряде было не единственным моём путешествием ранних лет. Я ездил рабочим и в археологические экспедиции, и в геологические экспедиции, и путешествовал потом в Заполярье. Уже в Государственной думе я вообще объездил всю страну – от Калининграда до Камчатки, Владивостока и Приморья. В Комитете по обороне мне приходилось ездить на базы Вооружённых сил, в том числе на базы Стратегических Сил. Ну и, конечно, бывал в горячих точках, зонах боевых действий.

Какими личными качествами должен обладать международник

Во-первых, надо много знать. В любой сфере надо много знать. Что касается моей сферы – она специфическая, потому что среди всех гуманитарных наук она более насыщена техническим, международно-правовыми, внешнеполитическими и внутриполитическими вопросами. Я бы так сказал – то, чем я занимаюсь, среди всех гуманитарных наук ближе всего к техническим естественным и точным наукам – просто, потому что она на стыке находится.

Тем же, кто занимается любыми вопросами – большими, малыми, широкими, узкими – будь то международные отношения в Евро-Атлантике, в Азиатско-Тихоокеанском регионе, на Юге Африки или в Латинской Америке – в любой сфере, первое, что должен специалист-международник – искренне интересоваться этой темой. Не просто соображать, где можно карьеру побыстрее сделать – если так подходить

утилитарно, то толку не будет.

Во-вторых, интересуясь своей темой, нельзя быть невежественным в других вопросах. Их нельзя знать все одинаково глубоко, но иметь адекватные представления нужно, потому что в вакууме ни одна проблема не существует. Зная глубоко что-то конкретное, нужно иметь адекватное представление обо всём, что вокруг этой темы существует. В-третьих, на мой взгляд, для молодого специалиста, который только ещё вырабатывает своё отношение к жизни, очень важно определить для себя чёткие политические позиции. Мы живём в политической среде. Можно быть микробиологом, увлечённо заниматься своей темой и плевать на всё остальное. Но нельзя заниматься чем-либо в диапазоне политических наук и не иметь политической позиции – как по нашим внутренним вопросам, так и по международным отношениям. Нельзя не думать и не определять своё отношение к тому, правильна ли политика России – внутренняя и внешняя, правильно ли экономика наша развивается. Потому что задача специалиста в нашей области – не просто изучать проблему, а попытаться внести и полезный вклад. А для этого, конечно, нельзя его от фонаря вносить – вы всегда вносите какой-то свой вклад, опираясь на свои политические, нравственные, профессиональные позиции и знания.

Вот эти три составные части, мне кажется, стоит выделить в качестве моего скромного совета молодым специалистам, которые работают в сфере глобальной безопасности.

Интервью: Сергей **Себекин**
Редактура: Егор **Чобанян**

Узнать больше о проекте **«Без галстука»** можно на сайте ПИР-Центра.

Наш электронный адрес: inform@pircenter.org

Здесь вы можете подписаться на другие рассылки ПИР-Центра или отписаться от них.